

АНТИРЕЛИГИОЗНЫЕ КАМПАНИИ 1920–1930-Х ГГ. В КОСТРОМЕ

Зябликов Алексей Вячеславович, доктор исторических наук, Костромской государственной университет, Кострома, Россия, a.zyablikov@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируются причины, методы и формы антирелигиозной борьбы на Костромской земле в 1920–30-е гг. Рассматривается деятельность костромского отделения Союза воинствующих безбожников, чьи усилия были направлены на то, чтобы готовить идейный базис грядущего антицерковного и антирелигиозного террора. Богоборчество являлось одной из смыслообразующих идеологией становящегося советского строя, однако агрессивная атеистическая пропаганда в Костроме оказалась малоэффективной: православные традиции здесь были очень прочны. Делается вывод о планомерности и целенаправленности уничтожения религиозных святынь Костромы, разрушения ее исторического облика. Начав с попыток полемического диалога с Церковью в первые послереволюционные годы, в 1920-е гг. большевистская власть применила тактику сатирического осмеяния религии и религиозности, задействовав весь имеющийся в распоряжении государства пропагандистский арсенал. Потерпев поражение на фронте антирелигиозной пропаганды и агитации в 1920-е гг., власть в 1930-е гг. решительно перешла к репрессивным и карательным мерам. Единственным реальным средством борьбы с религией в русских городах советские и партийные руководители считали физическое уничтожение храмов и наиболее активной и влиятельной части духовенства.

Ключевые слова: советская власть, богоборческая политика, антирелигиозная пропаганда, атеистическая цензура, сатирический журнал, приходская жизнь, церковь, храмовая архитектура

Для цитирования: Зябликов А.В. Антирелигиозные кампании 1920–1930 х гг. в Костроме // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 1. С. 65-73. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-1-65-73>

Research Article

KOSTROMA ANTI-RELIGIOUS CAMPAIGNS OF THE 1920–1930S

Alexey V. Zyablikov, Doctor of Historical Sciences, Kostroma State University, Kostroma, Russia, a.zyablikov@yandex.ru

Abstract. The article analyses the reasons, methods and forms of anti-religious struggle in Kostroma land in the 1920s – 1930s. The article focuses on the activity of Kostroma branch of the League of Militant Atheists, whose efforts, in the author's opinion, were aimed at building the ideological basis for the coming anti-church and anti-religious terror. The author of the article argues that fight against god was one of the meaning-forming ideologies of the emerging Soviet system, though aggressive atheistic propaganda in Kostroma turned out to be ineffective as Orthodox traditions allegedly were particularly strong here. The conclusion is made about the planned and purposeful destruction of the religious shrines of Kostroma and its historical appearance. After the attempts of a polemical dialogue with the Church in the first post-revolutionary years in the 1920s the Bolshevik government used the tactics of satirical ridicule of religion and religiosity, using all propaganda arsenals at the disposal of the state. It is claimed in the article that having being defeated at the front of anti-religious propaganda and agitation in the 1920s, the authorities did not hesitate to switch to repressive and punitive measures in the 1930s. Soviet and Communist Party leaders are depicted in the article as those who considered physical destruction of churches and the most active and influential part of the clergy to be the only effective means of fighting religion in Russian cities.

Keywords: Soviet power, state-church contradictions, anti-religious propaganda, atheistic censorship, satirical magazine, parish life, church, temple architecture

For citation: Zyablikov V.A. Kostroma anti-religious campaigns of the 1920–1930s. Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 1, pp. 65-73 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-1-65-73>

Одним из знамен большевистской революции был атеизм – мировоззрение, отрицающее религию и существование Бога. После октября 1917 г. для Церкви наступили тяжелые времена: богоборческая большевистская власть объявила религии войну. Это было частью грандиозного плана по созданию человека нового типа, «свободного» от социальных оков, от умственных и духовных предрассудков. Ломка «старого» мира предполагала уничтожение или по крайней мере ослабление тех ценностных скреп, которыми держалась прежняя государственность.

Декретом Совета народных комиссаров от 2 февраля 1918 г. церковь была отделена от государства. Религия объявлялась частным делом граждан. Впрочем, декларируя «веротерпимость», советская власть сразу продемонстрировала, что для достижения своих идеологических целей она не погнушается прибегнуть к самым грубым и кощунственным методам, например, к вскрытию мощей святых. В ходе «мощейной» кампании 1918–1920 гг. были разорены более 60 усыпальниц [Лучшев: 96]. Декрет ВЦИК РСФСР от 23 февраля 1922 г. об изъятии церковных ценностей (формально для помощи голодающим) открыл дорогу фактическому разграблению храмов и приходов. Координировать и реализовывать богоборческую политику в масштабах страны должна была созданная в 1922 г. Антирелигиозная комиссия ЦК РКП(б) (АРК). Священнослужители и монахи попали в разряд «лишенцев». Так называли людей, лишенных согласно конституциям РСФСР 1918 и 1925 гг. избирательных прав. Таким способом власть выбивала из «нетрудовых» сословий исторические долги.

Увы, нередко бытует мнение, что в послереволюционные десятилетия русские люди якобы легко и по собственному почину отрекались от веры в Бога, более того – сладострастно глумились над православными святынями. Конечно, это имеет весьма отдаленное отношение к истине. Подтверждение тому – история проведения антирелигиозных кампаний и уничтожения православных святынь на Костромской земле.

Запретительные и репрессивные меры в отношении идейных врагов – метод испытанный и надежный. Однако местное советское и партийное руководство понимало, что в губернии с прочными православными традициями тактика грубого нажима не всегда может дать нужный результат. В первые послереволюционные годы власть еще пыталась прибегнуть к тактике полемического диалога с Церковью. Видимо, большевистские агитаторы полагали, что бойкое пролетарское разоблачение библейских «несуразностей» и поповских «обманов» немедленно откроет костромичам глаза на «антинародную» сущность религии. По инициативе коммунистических ячеек в городе проводились революционные и антирелигиозные

«митинги-концерты», «спектакли-субботники» и «суды», на которые нередко приглашались представители духовенства. Приглашались, конечно, для публичного осмеяния и посрамления. Однако нередко в роли выставленных на посмеище оказывались сами партийные активисты, не способные противопоставить хоть сколько-нибудь внятные возражения умному и прочувствованному слову священника. В Государственном архиве новейшей истории Костромской области сохранился интересный документ – полуотчет-полудонес некоего члена комячейки о диспуте в клубе, на который в 1920 г. был приглашен (вызван?) местный священник Милословский для разговора «о сотворении мира и загробной жизни»¹. Похоже, батюшке во время выступления неожиданно удалось заручиться поддержкой и симпатией части аудитории, о чем бдительный протоколист написал не без классовой обиды: «Священник Милословский не только уводил от прямого ответа, но даже стал походить на циркового комика, говоря комичные слова, дабы развеселить публику и этим завоевать свой авторитет»².

Прямо противоположную картину приводит в своих воспоминаниях В.Ф. Маслюткин, присутствовавший однажды на диспуте «Есть ли Бог?» в красном уголке завода Пло (с 1922 г. – «Красный металлист», потом «Рабочий металлист»). Ветеран производства восторженно рассказывает, с каким блеском некий «пропагандист-атеист» Щекин разоблачал «несуразности» Библии, как остроумно он отвечал на реплики оппонентов-священников. Однако даже в этом тенденциозном изложении мы можем разглядеть зерна истины. «Шутки, иронию, доводы и разоблачения атеиста, – свидетельствует В.Ф. Маслюткин, – одни встречали взрывом смеха и гулом одобрения, другие – вздохами, скорбным выражением лиц»³.

В 20-е годы XX в. приходская жизнь на Костромской земле не угасала – вопреки репрессиям и богоборческим усилиям новой власти. Храмовые праздники собирали сотни и тысячи людей. «Красные» праздничные даты еще не закрепились в сознании людей, а вот Рождество и Пасху костромичи открыто отмечали до конца 1920-х гг. Авторитет священства среди основной массы населения оставался очень высоким, несмотря на усилия местных комячеек и крепнущую пролетаризацию губернии. Глубокая религиозность костромичей, их привязанность к традициям дедов и отцов создавали массу неудобств для пропагандистов-атеистов, подавляющее большинство которых не имело должных знаний и не отличалось умственной культурой. В результате пропагандистская кустарщина зачастую приводила к оглуплению и дискредитации тех идей, которые агитаторы должны были активно внедрять в сознание верующих.

В 1920-е гг. важнейшим плацдармом для наступления на религиозные «предрассудки» стано-

вится периодическая печать. Костромская пресса тех лет пестрела лозунгами: «Безбожие – путь к поднятию культурности массе!», «Не в церковь, а в клуб!», «По религии мы бьем наукой и культурой», «Религия – дочь глупости и мать всякой эксплуатации». В газете «Красный мир» появилась рубрика «Поповские делишки». Местные периодические издания были наполнены сатирическими материалами и карикатурами на «церковников». В первой половине 1920-х гг. партийные функционеры считали «художественную сатирическую плакатную пропаганду» одним из наиболее действенных инструментов антирелигиозного просвещения⁴. Для провинциальных авторов главным художественным мериллом и маяком атеистической «идейности» были столичные издания, например газета «Безбожник» (1922–1941) или журнал «Безбожник у станка» (1923–1931). Тональность этих изданий близка дореволюционной черносотенной печати – с присущим ей погромным колоритом, грубо-развязным, надменно-грязным слогом. Некоторые «безбожные» публикации были столь бесцеремонны, что вызывали оторопь даже у партийного начальства.

Костромские редакционные художники не утруждали себя поиском оригинальных решений: обычно картинка изображала толстобрюхого попа с кадилом, крестом и бутылкой водки, который сидел на шее трудящегося человека. Советский читатель должен был проникнуться мыслью о паразитирующей, антинародной и контрреволюционной сущности церкви. Заметим, что у лишенцев-священников, особенно сельских, с их многодетными семьями, не было никаких иных средств к существованию, кроме того, что давали им прихожане. Советские активисты предлагали привлекать «попов-сбирунов» к ответственности за «злостное нищенство»⁵.

В повседневную жизнь вторгалась атеистическая цензура. Открыто выражать свои религиозные убеждения становилось небезопасным. Государство стало активно выдвигать церковь из тех сфер повседневности, которые традиционно были за церковью закреплены (рождение ребенка, свадьба, похороны). Постановлением Наркомпроса от 18 февраля 1918 г. было предписано упразднить преподавание закона Божьего во всех учебных заведениях, а также запретить в названных заведениях совершение религиозных обрядов. Ко двору пришлось и проведение в 1918 г. орфографической реформы, упростившей русскую графику и перекрывшей молодому поколению канал доступа к церковным книгам: их стало трудно понимать. Литература религиозного содержания не допускалась в свободную продажу, изымалась из библиотечных фондов.

Развернулась борьба против церковного брака. Первым шагом был декабрьский декрет 1917 г., который узаконил гражданский брак. В 1926 г. был принят брачно-семейный кодекс, который приравнивал фактические и зарегистрированные браки.

Традиционная свадьба как торжественный ритуал соединения сердец была отнесена к буржуазным и церковным предрассудкам. В пример ставились «красные» свадьбы – с заседанием комсомольской ячейки, чтением докладов, пением «Интернационала», с вручением молодоженам политической литературы в качестве подарков. Иногда «красная» свадьба сопровождалась приемом молодоженов (или одного из них) в члены РЛКСМ.

В противовес крестинам получили распространение октябрины. Наречение новорожденного именем проходило в клубе при стечении нескольких десятков, а то и сотен рабочих. Так, первые в костромском Заволжье октябрины состоялись 20 апреля 1924 г. в клубе им. В.И. Ленина. Октябрили ребенка столяра железнодорожного депо Петрова. Младенец получил имя Роза (в честь Розы Люксембург)⁶. В сельской местности отношение к «октябринам» было куда более сдержанное. Доходило до того, что крестьяне отказывались иметь дело с людьми, которые открыто брезгают православным таинством крещения. В селе Мисково нового секретаря ВКП(б) местные жители отказывались пускать на постой, объясняя это тем, что малолетняя дочь партийного начальника «поганая», «необмытая». «Если будет второй ребенок, – сетовал секретарь, – больше “октябрить” не буду, ибо середняк против и доверия не получишь...»⁷

В идеологическую моду входили антипасхальные и антирождественские кампании, которые нередко были окрашены в откровенно кощунственные тона, борьба с колокольными звонами. Старым церковным праздникам предлагались революционные «альтернативы». Так, Ильин день был объявлен «Днем электричества». Досталось даже древнему имени города. «Кострома – бог языческой пасхи», – под таким названием в апреле 1923 г. в газете «Красный мир» вышел очерк журналиста А. Высоцкого⁸. Вместо раздражающего «несоветского» имени предлагались такие идейно выдержанные варианты, как Шагов или Ленин-на-Волге.

Надо сказать, что названные нововведения, нацеленные на искоренение религиозных «привычек» населения, не находили широкого отклика в сердцах костромичей. Экзальтированных и громогласных отрицателей веры было не так много. Большинство местных жителей (о сельчанах – нечего и говорить!) относилось к антирелигиозной пропаганде с глухим и сдержанным неприятием. Кто-то вовсе предпочитал ее не замечать. Советские служащие нередко состояли членами церковно-приходских советов. Членство человека в партии тоже отнюдь не гарантировало отказа от следования религиозным традициям. В мае 1921 г. эта проблема даже стала предметом обсуждения на пленуме Костромского губкома РКП(б). Ведший заседание секретарь губкома Павел Андреевич Бляхин горячо убеждал присутствующих в том, что коммунисту не по пути с религией, а Христа

называл «самым свирепым врагом» строителей нового мира [Майорова: 106]. В итоге собранием была принята следующая резолюция: «Или с церковью против советской власти и коммунизма, или с коммунизмом против церкви: среднего решения быть не может» [Майорова: 107]. Костромские члены РКП(б) (с декабря 1925 г. – ВКП(б)) нередко подвергались партийному взысканию, а некоторые исключались из партии – за «религиозные обряды». Правда, следует признать, что это был не самый распространенный повод для наложения наказаний: на первом месте в числе проступков костромичей-коммунистов – пьянство, на втором – должностные преступления, на третьем – преступления уголовные⁹.

Костромичи не спешили отказываться от жизненного уклада, который был сформирован веками. Костромские рабочие и сельские жители продолжали крестить детей и хранить в домах иконы. Заметим, что религиозность была присуща не только костромичам старшего возраста, но и молодым людям, в том числе школьникам. Среди деревенских партийцев редким исключением были те, кто не держал в домах икон и не участвовал, наряду с другими селянами, в религиозных праздниках. Даже если «коммунист от сохи» придерживался атеистических взглядов, ему было очень непросто следовать им на практике. Характерное признание сделал осенью 1926 г. председатель одного из районных сельских советов Андреевской волости корреспонденту журнала «Октябрь»: «Жена очень религиозна; все дети крещены с попом, помимо моего желания. Иконы есть в одной половине избы – жены, а в моей части нет (здесь же и канцелярия райсельсовета). Из-за икон со мной жена 3 месяца не разговаривала. Детей заставляет молиться богу, а я не допускаю, вечные скандалы»¹⁰.

Вот еще один характерный фрагмент из газетного очерка, опубликованного без подписи в костромской газете «Северная правда» 5 сентября 1929 г.:

«Кострома – город старый, древнерусский. Физиономия его проста и ясна. <...>

Церковь – вот отличительная особенность, вот физиономия города Костромы. 43 церкви, все почти действующие. Народ в Костроме богомольный. Редко в какой квартире вы не найдете целого иконостаса... <...>.

Культурная борьба с религией в нашем городе и бледна, и затруднена»¹¹.

Репутацию самой консервативной и набожной части Костромы имело Заволжье. Показательно мнение, высказанное о Павлом Флоренским в одном из писем В.В. Розанову: «...нет во всей России, а м. б., и на земном шаре, никого более *коренного* (курсив автора. – А. З.) по вкусам, по укладу, по организации души, чем костромичи, особенно заволжского района. И отсюда – органическая же нелюбовь ко всему, что бескоренно, что корни подье-

дает...» [Розанов: 178] Стоит ли удивляться тому, что атеистическая пропаганда в Костроме была «затруднена»? В 1934 г. временно исполняющий должность (ВРИД) начальника горотдела НКВД Базаров в справке о состоянии дел на костромских фабриках сетовал, что среди рабочих есть немало религиозно настроенных, «особенно из-за реки Волги»¹².

К концу 1920-х гг. борьба с религией становилась все более плановой и агрессивной. От сатирического осмеяния, антирелигиозных плакатов и лозунгов власть переходила к тактике прямого выдавливания религии из всех сфер жизни, замещения ее традиционными и новыми досуговыми формами, ориентированными прежде всего на молодежь. Менялось содержание антирождественских и антипасхальных мероприятий. Дважды в год, в канун Рождества и Пасхи, костромские театры, клубы, образовательные учреждения предлагали молодежи вечерние и ночные программы, включавшие в себя не только антирелигиозные митинги, но и концерты, цирковые номера, лотереи, спектакли, кино, радио, игры, танцы. «Свое счастье будем строить на земле, – призывала в пасхальные апрельские дни 1928 г. газета «Северная правда», – небо же предоставим попам, кулакам и нэпманам!»¹³ На борьбу с религиозными «перешитками» были брошены все творческие силы.

К концу первого послереволюционного десятилетия священнослужитель окончательно превратился в фигуру, ответственную за неудачи и проbukсовки в строительстве нового «красного» быта. На человека в рясе и клобуке было удобно списать собственные просчеты, приведшие к всплеску таких социальных явлений, как пьянство, хулиганство, моральное разложение и бытовое насилие. Сатирическая газета «Бороний зуб» (приложение к газете «Борона») пестрела фельетонами и карикатурами, главными действующими лицами которых были кулаки, самогонщики, хулиганы, пьяницы и, конечно, представители духовенства.

Сами церкви и священнослужители все чаще становились объектами хулиганских выходов. Так, в начале 1926 г. некто К.А. Остроумов по прозвищу «Костя злой» учинил в одной из заволжских церквей пьяный дебош. Не признавая себя виновным, Остроумов дал на суде такое объяснение: «Если я дьякону в лицо наплевал, то это и нужно было – пусть не машет своим кадилом, которое я терпеть не могу; аналой я сшиб потому, что он на дорогу поставлен был, а ножом размахивался для того, чтобы меня самого не побили»¹⁴. Эти слова выдают человека, который ощущает свою полную безнаказанность, более того – свое моральное право творить бесчинство. В феврале 1927 г. посреди бела дня был учинен погром в Борисоглебской церкви на Муравьевке. Весть о разоренной святыне, о фекалиях, оставленных в алтаре, и окурках, прислуженных к иконам, повергла горожан в смятение.

Злоумышленники действовали столь цинично, что даже партийное руководство осудило этот акт вандализма. Преступником оказался некто И.П. Ильичев – без определенного местожительства. Свой поступок погромщик демагогично объяснил желанием «проверить» существование Бога: «Вот нахулиганил, а наказания не было за то. Значит, нет бога»¹⁵. Позже Ильичев был признан душевнобольным и отправлен на лечение в Никольскую больницу. Объяснения дебошира К.А. Остроумова и безумца И.П. Ильичева, как это ни страшно сознавать, вполне соотносимы со шкалой моральных ценностей, которые предлагались в те годы воинствующими атеистами.

Была начата иконоборческая кампания. Костромичам ставили в пример семью рабочих Барышниковых, которые на месте икон устроили в своем жилище уголок Ленина¹⁶. Вечером 5 января 1930 г. на площади около горсовета состоялось публичное сожжение икон, собранных на специально организованных пунктах приема. Становилось небезопасным держать дома книги религиозного содержания.

Во второй половине 1920-х гг. в Костроме развернул свою деятельность Союз безбожников (создан в 1925 г.). Члены этой всесоюзной организации проводили публичные антирелигиозные акции: устраивали «громкие читки» газеты «Безбожник» и концерты «антирелигиозных хоров», вели разъяснительные беседы на предприятиях, в школах: «Иже херувимь» должны были окончательно уступить место «Интернационалу». В конце 1925 г. при редакции газеты «Северная правда» была создана «антирелигиозная консультация». Активисты Союза агитировали за создание «безбожных» бригад, цехов, улиц, коммун. При клубах создавались «кружки безбожника». В трудовых коллективах собирались средства на самолет «Безбожник». В марте 1926 г. в Костроме прошел первый губернский съезд безбожников, наметивший план наступления на антирелигиозном фронте. Однако пропагандистские функции не исключали главной миссии СБ – формировать идейный базис будущего террора, осуществлять фискальную деятельность, готовить досье на священнослужителей. Одну из принципиальных своих задач СБ видел в том, чтобы «сбирать цифры и факты о вредительской роли религии в деле социалистического строительства»¹⁷.

Черной страницей в истории Костромы является пребывание нескольких костромских уездов в составе Ивановской промышленной области (с января 1929 по март 1936 г.): в это время были подвергнуты репрессиям и гонениям священнослужители, уничтожены многие храмы и великолепные архитектурные ансамбли города.

Письмо ЦК ВКП(б) «О мерах по усилению антирелигиозной работы» от 24 января 1929 г. наметило новые шаги по отлучению церкви от повседневных забот и нужд населения. В результате на

рубеже 1920–30-х гг. под идеологическим запретом оказалось даже празднование Нового года (действовал до 1935 г.). Новогоднюю елку объявили символом религиозного мракобесия. Ее запрещали ставить и в домах, и в детских учреждениях. Поэтому костромичам приходилось делать это тайно. Один из январских номеров «Северной правды» за 1929 г. открывался антирождественской карикатурой: ёлка, украшенная крестами, церковными свечами, водочными бутылками и свиньей с надписью «обжорство». Почему-то венчает это новогоднее дерево шестиконечная звезда, а под ним отплясывают кулак и священник в рясе¹⁸. Печатные издания наполнились «антиёлочными» материалами. Вот типичный пример – заметка «Ёлка, партиец и комод», опубликованная за подписью П. Виноградов в газете «Северная правда» 30 января 1929 г.: «Рабочий завода “Рабочий металлист” партиец В. Фомичев в 1928 г. побил рекорд прогулов. Зато у себя дома за прогулянное время он сделал комод, гардероб и другие предметы домашней обстановки. А на старое рождество Фомичев устроил для своих детей – комсомольцев и пионеров ёлку, а для себя – хорошую выпивку»¹⁹. Для автора заметки, которая по стилю больше напоминает донос, все самые скверные качества Фомичева (трудовая недисциплинированность, склонность к выпивке, мешанские замашки) сходятся в главном – в порочной привязанности к отжившим свое, старорежимным, «мракобесным» традициям.

Еще одним законодательным ударом по церковной жизни стало постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» от 8 апреля 1929 г.: оно делало религиозные общины всецело зависимыми от произвола государства. В общественное сознание все активнее вбрасывалась мысль о том, что «церковник» и «вредитель» – одного поля ягоды. В июне 1929 г. в Москве с размахом прошел II съезд Союза безбожников, на котором Н.И. Бухарин сформулировал задачу исторического момента: «Религия должна быть взята в штыки» [Лучшев: 177]. Не случайно на съезде решили внести корректив в название организации – теперь она называлась Союз *воинствующих* безбожников.

Директивы центра незамедлительно принимались к исполнению на местах. С революционным рвением и азартом. С желанием «взять в штыки» конкретного человека с наперсным крестом. 9 декабря 1929 г. бюро Заволжского райкома ВКП(б) Костромы приняло постановление, один из пунктов которого гласил: «Вопросы массовой антирелигиозной пропаганды пропитать более конкретным содержанием, в частности проводить кампании за закрытие церквей, за отказ от празднования религиозных праздников, за снятие колоколов и т. д. <...>. Вся антирелигиозная работа должна сопровождаться разоблачением классовой сущности религии и деятельности религиозных

организаций в этом духе»²⁰. По сути, это был призыв перейти от слов к делу.

Год «великого перелома» подвел черту под эпохой инфантильных пролетарских диспутов «о сотворении мира» и сатирических столбцов о толстобрюхих «попах-дармоедах». 13 декабря 1929 г. газета «Северная правда» опубликовала подборку материалов под общим названием «Никакого примиренчества с религией!». Публицист С.В. Чумаков в заметке «Прогоним попов» призвал костромских рабочих в дни зимних праздников проявить пролетарскую сознательность, гнать из своих жилищ «гнусаво поющих контрреволюционеров с крестом и в рясе»²¹.

Некто Ручинский предлагал противопоставить праздничному «поповскому хождению со “славой”» «коммунистические колядки». Для борьбы с религиозными пережитками предлагалось формировать мобильные бригады активистов по 3–5 человек «с политически развитым, выдержанным товарищем во главе». Что дальше? «Составляем коротенький, незатейливый, выдержанный репертуар: 2–3 хорошие песни, несколько частушек о религии и о социалистическом строительстве, пара хороших стихотворений; гармонь или бала-лайка – непременно спутник группы. И – айда по рабочим квартирам, с песней, декламацией, беседой»²². Сама тональность этих призывов и увещаний свидетельствует о том, что проблема антирелигиозного просвещения костромских рабочих оставалась нерешенной.

Конечно, главными боевыми единицами на антирелигиозном фронте мыслили себя активисты Союза воинствующих безбожников, своего рода «опричное» войско атеизма. Областные комитеты СВБ получали помощь из Москвы. Так, в феврале 1931 г. Центральным комитетом ВСБ в Кострому был направлен лектор В.А. Жигулин для чтения лекций, в том числе на тему «Религия как тормоз в социалистическом строительстве»²³. Профсоюзы предприняли в приказном порядке должны были заключать с горсоветом СВБ взаимобязывающие договоры с перечислением финансовых средств на антирелигиозную работу²⁴. В роли контролеров выступали партийные организации, но желаемого результата это не приносило. Председателю губернского СВБ т. Груше приходилось несладко. Никакие усилия власти, никакие лозунги и угрозы не могли повысить авторитет Союза воинствующих безбожников в глазах костромичей. Руководители организаций и профсоюзы отказывались заключать договоры с СВБ, всячески уклонялись от участия в атеистической пропаганде. Председатель горрайсовета СВБ Касаткин 13 мая 1934 г. жаловался на заседании костромского горкома, что на предприятиях и в колхозах относятся к антирелигиозной работе «по-оппортунистически», поэтому она фактически не ведется²⁵. Костромское отделение СВБ было плохо обеспечено опытными

и «политически грамотными» кадрами. Доходило до казусов: сотрудником горсовета СВБ оказался бывший священник Рябцовский, который, после выяснения этого обстоятельства, немедленно был снят со своей должности и уволен²⁶.

28 сентября 1935 г., когда в стране уже был развернут настоящий богоборческий террор, председатель облсовета Союза воинствующих безбожников Ивановской промышленной области Поспелов отправил в Центральный совет СВБ отчет «Об остатках религиозности среди трудящихся области», в котором сообщал, что не менее 40 % колхозников продолжают исповедоваться, а в некоторых районах церковный актив превышает число партийцев и комсомольцев, вместе взятых²⁷. Богоборческие усилия местных властей разбивались о каменный утес костромской религиозности. Как следствие – в октябре 1934 г. председатель Костромского горрайсовета СВБ Касаткин был снят с работы с формулировкой: «За развал работы СВБ и полную бездеятельность в работе, за злоупотребления средствами»²⁸. Дело главного костромского безбожника было передано в следственные органы.

Итог деятельности региональных структур СВБ был подведен в сентябре 1936 г. в справке Оргбюро ЦК ВКП(б) по Ярославской области «О состоянии антирелигиозной пропаганды». Состояние это высшим партийным начальством признавалось катастрофическим и «нетерпимым»²⁹. В 1937–1938 гг. просчеты СВБ в антирелигиозной работе были предсказуемо списаны на вредительство «троцкистов», пробравшихся в руководящие «безбожные» органы. Многие из воинствующих безбожников, определявших стратегию и тактику атеистической пропаганды в 1920–30-е гг. (в том числе и звывший взять религию «в штыки» Н.И. Бухарин), взошли на плаху сталинского «большого террора». То, что к середине 1930-х гг. пропагандистская антирелигиозная кампанейщина постепенно меняла свое содержание – более того, во многом приходила к опровержению самой себя, объясняется еще одним важным обстоятельством. Дело в том, что к этому времени в стране окончательно утвердился *сталинизм*, который по сути своей является сублимированной идолопоклонческой «верой» – со всеми атрибутами религиозного культа: самоотреченным служением определенным догмам, фанатичным поклонением «божественному» верховнику, культом красных «святых», наличием «священного писания» – программных работ большевистских вождей [Зябликов 2017: 70]. В известном смысле власть была заинтересована в том, чтобы не изжить «религиозность» масс, а перенаправить ее в нужное идеологическое русло [Зябликов 2015: 40]. К началу Великой Отечественной войны антирелигиозная пропаганда в стране фактически была свернута.

К 1940 г. в Заволжском районе Костромы правдами и неправдами были созданы 12 ячеек СВБ об-

щей численностью 172 человека, что партийному руководству города казалось ничтожно малым³⁰. Некоторые костромские ячейки СВБ существовали лишь на бумаге. 3 августа 1940 г. появилось постановление бюро Костромского горкома ВКП(б), подписанное секретарем горкома А. Ишановым и посвященное состоянию пропагандистской и агитационно-массовой работы в Костроме. Распечатанное в виде памятки для всех первичных парторганизаций, оно содержало в себе убийственные оценки состояния дел. Главный изъян пропагандистской работы виделся в том, что она «не носит наступательного характера», агитаторы занимают «стыдливооборонительную позицию» по отношению к «явно враждебным и отсталым настроениям»³¹. Интересное резюме – если учесть, что к тому времени большой террор нанес разящие удары не только по «чужим», но и по «своим». Но даже это не могло удовлетворить безбужную власть.

К середине 1930-х гг. антицерковное движение в стране приобретало характер настоящей истерии. Осенью 1934 г. были арестованы члены так называемой «селищенской контрреволюционной группы», в том числе настоятель заволжской церкви Александра и Антонины о. Павел Острогский и нашедший убежище в Костроме опальный епископ Макарий (Григорий Яковлевич Кармазин). В марте 1935 г. они были сосланы в Казахстан, потом снова арестованы, а в декабре 1937 г. расстреляны по приговору тройки УНКВД [Зонтиков 2007: 131]. 21 октября 1937 г. в Москве, на Бутовском полигоне, был расстрелян епископ Димитрий (Иоанн Добросердов), возглавлявший Костромскую епархию в 1929–1932 гг. Его преемник архиепископ Костромской и Галичский Никодим (Николай Кротков) был замучен в ярославской тюрьме НКВД в 1938 г. (в 2000 г. оба иерея были причислены Русской православной церковью к лику святых). Репрессии ударили по многим костромским священникам и членам их семей.

Палаческие усилия по отношению к сословию «служителей культа» сопровождалась варварской атакой на культовые строения. Война с памятниками, историческими названиями и ценностями приоритетами прошлого – узнаваемый почерк любой революции. Для областей был установлен поквартальный план заготовки лома колокольной бронзы. Какой богоборческий инструментарий применялся властью, иллюстрирует история уничтожения церкви Николая Мирликийского в бывшей Никольской слободе [Зябликов 2015: 46–47].

К 1930 г. на многих городских и сельских церквях уже висели замки. За первое послереволюционное десятилетие количество действующих церквей в Костромской губернии сократилось более чем в два раза (с 1206 до 543) [Майорова: 225]. На 1 января 1930 г. в Костроме оставалось 19 (из 54) действующих православных храмов и один

римско-католический костел³². Еще в середине 1920-х гг. были разобраны (якобы по причине ветхости) Георгиевская и Воскресенская церкви на Советской площади. В 1924 г. была превращена в рабочий клуб Власиевская церковь в Фабричном районе. В октябре 1929 г. президиум горсовета принял решение передать некоторые церкви «под культурные нужды населения». Крестовоздвиженская церковь была передана в пользование фабричного комитета фабрики «Искра Октября», Лазаревская – под красный уголок фабрики «X Октябрь», Сергиевская – под клуб полка связи. Космодемьянскую церковь на Гноищах решено было приспособить под учебные мастерские, а Космодемьянскую на улице Шагова и Рождественскую – под клубы пионеров. В церкви Спаса в Подвязье решено было устроить детскую библиотеку, а синагогу и Алексеевский храм планировалось отдать под жилье³³. В конце 1929 г. был передан (правильнее сказать отобран) под клуб сельсовета храм Василия Блаженного в Селище. В начале 1930 г. были сброшены колокола с колокольни заволжского храма Александра и Антонины, в том числе большой 252-пудовый колокол, который при падении на землю разбился [Зонтиков 2010: 163].

На многих предприятиях были инициированы общие собрания трудовых коллективов с принятием резолюций о закрытии в Костроме части церквей и передаче их под культурные или хозяйственные нужды. Так, рабочие и служащие мукомольного завода заявили свои права на церковь Николы на Лесной улице, а выбивальщики завода «Рабочий металлист» выдвинули аналогичные требования в отношении двух церквей в слободе Металлистов (бывшей Никольской). В печати была организована кампания за расширение проскрипционного «списка горсовета» с включением туда гораздо большего количества храмов³⁴.

В 1931 г. городские власти продолжили обследование костромских храмов «на предмет выявления возможности их приспособления»³⁵. Так, в августе 1931 г. представитель горкома ВКП(б) Голубков и техник горкомхоза Лавров осмотрели семь костромских церквей и сформулировали следующие рекомендации: Рождественскую, Константиновскую и Крестовоздвиженскую церкви возможно отдать под склады или торговые помещения; в Борисоглебской можно было бы разместить контору, клуб или мастерскую, в Богоотцевской – клуб или общежитие; Спасская церковь на Запрудне годилась для нужд судоверфи, а Всехсвятская – под общежитие для дефективных детей³⁶. Однако перепрофилирование зданий, их перестройка и перепланировка требовали усилий и затрат, которые, видимо, оказались неоправданными. В итоге большую часть храмов решили просто разобрать на кирпич. В других церковных помещениях устраивались клубы, рабочие общежития, мастерские, овощехранилища и склады.

К середине 1930-х гг. большинство костромских церквей были закрыты или приспособлены для хозяйственных нужд. Были снесены Рождественский собор Ипатьевского монастыря, Костромской кремль с храмовым ансамблем и многие другие сооружения. В 1934 г. разобрали на кирпич селищенскую церковь Василия Блаженного, разрушили купола и часть звонницы Спасско-Преображенской церкви, а в ее помещениях устроили общежитие завода «Рабочий металлист». Город покрылся печальными руинами. Продолжалась кампания по снятию колоколов с церковных звонниц. Добрались и до сельских церквей.

После революции 1917 г. из более чем 50 костромских церквей и часовен 36 были утрачены. 21 храм был полностью разрушен. Сегодня можно утверждать, что уничтожение памятников костромской храмовой архитектуры в 1930-е гг. было злонамеренным и целенаправленным. В основном оно осуществлялось именно в тот короткий период, когда Кострома являлась частью Ивановской промышленной области. В 1935 г. председатель облсовета СВБ Поспелов в юбилейном докладе «Десять лет воинствующего атеизма» с гордостью писал: «К настоящему времени в области закрыто большое количество церквей, закрыты все монастыри, больше чем в 10 раз сократилось “черное воинство”. Бывшие очаги дурмана: церкви и монастыри – превращены в клубы, детские дома, электростанции»³⁷.

Сразу после создания в 1944 г. Костромской области костромичи смогли оценить масштаб нанесенного городу урона. В январе 1945 г. начальник отдела по делам архитектуры при исполкоме Костромского облсовета депутатов трудящихся И.П. Журавлев подготовил объемную докладную записку на имя секретаря обкома ВКП(б) А.А. Кондакова, которая является одним из самых бесстрашных и честных документов своей эпохи. По существу, И.П. Журавлев сравнил уничтожение костромских памятников с нашестием варваров. Неравнодушный советский чиновник провел ненавязчивую параллель между богоборческой кампанейщиной 1930-х гг. и фашистским вторжением. Досталось и горкомхозу, который на здания церковной архитектуры «смотрел как на каменоломню, и ломал их, совершенно не считаясь ни с исторической, ни с художественной ценностью уничтожаемых памятников»³⁸. Уже в феврале 1945 г. исполкомы областного и городского советов приняли ряд жестких постановлений о сохранении оставшихся памятников архитектуры. В частности, было решено аннулировать все договоры на эксплуатацию исторических зданий, предписано привести их в порядок, установить на них охранные доски и т. п.³⁹. В 1946 г. областное управление по делам архитектуры определило перечень памятников старины. В Костроме к таковым было отнесено 63, по области – 634 гражданских и церковных строения. В 1950 г. начались реставрационные

работы в Ипатьевском монастыре. Однако решения эти явно запоздали: историческому облику города был нанесен непоправимый ущерб.

Таким образом, антирелигиозная борьба являлась одним из смыслообразующих элементов становящегося советского строя. Начав с попыток полемического диалога с Церковью в первые послереволюционные годы, в 1920-е гг. большевистская власть применила тактику сатирического осмеяния религии и религиозности, задействовав весь имеющийся в распоряжении государства пропагандистский арсенал. Потерпев поражение на фронте антирелигиозной пропаганды и агитации в 1920-е гг., власть в 1930-е гг. решительно перешла к репрессивным и карательным мерам. Единственным реальным средством борьбы с религией в русских городах советские и партийные руководители считали *физическое* уничтожение храмов и наиболее активной и влиятельной части духовенства. Кострома, колыбель двух царствовавших династий, прочно ассоциировавшаяся в сознании большевистского руководства с консервативно-монархическими, православными идеалами, пострадала больше других русских городов.

Одной из актуальных задач сегодняшнего дня должно стать воссоздание исторического облика русских городов, возрождение разрушенных во время богоборческого террора 1930-х гг. святынь.

Примечания

¹ Государственный архив новейшей истории Костромской области (ГАНИКО). Ф. 33. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 59.

² Там же.

³ Костромской экскаваторный. История завода «Рабочий металлист» / авт.-сост. П.И. Бедов. Кострома, 1972. С. 59.

⁴ Овсейчик В. К вопросу о постановке антирелигиозной пропаганды // Известия Костромского губкома РКП(б). 1923. № 7. С. 28–29.

⁵ Кунипер. Добрый совет // Красный мир. 1923. 4 июля.

⁶ [Хроника] Красный мир. 1924. 4 мая.

⁷ Тадеуш П. Лицо деревенских коммунистов // Октябрь. 1926. № 11. С. 24–25.

⁸ Высоцкий А. Кострома – бог языческой психи // Красный мир. 1923. 6 апр.

⁹ Ведомость о состоянии организации (январь – август 1923 г.) // Известия Костромского губкома РКП(б). 1923. № 8. С. 43.

¹⁰ Тадеуш П. Лицо деревенских коммунистов // Октябрь. 1926. № 11. С. 25).

¹¹ Кострома. В погоне за культурой // Северная правда. 1929. 5 сент.

¹² ГАНИКО. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 273. Л. 23.

¹³ Готовьтесь к антипасхальной кампании // Северная правда. 1928. 1 апр.

¹⁴ [Хроника] // Северная правда. 1926. 27 марта.

¹⁵ [Хроника] // Северная правда. 1927. 18 февр.

¹⁶ Шантырева М. Вместо икон уголок Ленина // Северная правда. 1925. 10 февр.

¹⁷ ГАНИКО. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 53. Л. 47.

¹⁸ [Хроника] // Северная правда. 1929. 8 янв.

¹⁹ Виноградов П. Ёлка, партиец и комод // Северная правда. 1929. 30 янв.

²⁰ ГАНИКО. Ф. 33. Оп. 1. Ед. хр. 49. Л. 136.

²¹ Чумаков С. Прогоним попов // Северная правда. 1929. 13 дек.

²² Ручинский. Организуем коммунистические колядки // Северная правда. 1929. 13 дек.

²³ ГАНИКО. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 54. Л. 79.

²⁴ ГАНИКО. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 217. Л. 66. В августе 1935 г. платные аппараты районных центров СВБ были упразднены, эта работа стала общественной. ГАНИКО. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 318. Л. 34.

²⁵ ГАНИКО. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 218. Л. 48.

²⁶ ГАНИКО. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 318. Л. 42.

²⁷ ГАНИКО. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 318. Л. 18–19.

²⁸ ГАНИКО. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 219а. Л. 238.

²⁹ ГАНИКО. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 404. Л. 2.

³⁰ ГАНИКО. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 590. Л. 85. Для сравнения: в 1940 г. в Ленинском районе г. Костромы имелось 29 ячеек СВБ общей численностью 884 человека. Там же. Л. 59.

³¹ Там же. Л. 64.

³² ГАНИКО. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 54. Л. 128.

³³ Церкви под культурные очаги // Северная правда. 1929. 21 окт.

³⁴ Прекрасные здания под нашим носом // Северная правда. 1929. 28 окт.

³⁵ ГАНИКО. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 54. Л. 128.

³⁶ Там же. Л. 130.

³⁷ ГАНИКО. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 318. Л. 5. До революции на территории Ивановской промышленной области было 4 594 церкви, 52 монастыря, 13 094 церковнослужителя, 3 932 монаха.

³⁸ ГАНИКО. Ф. 765. Оп. 1. Ед. хр. 467. Кор. № 48. Л. 2.

³⁹ Там же. Л. 72–73.

Список литературы

Зонтиков Н.А. Один из последних: Н.И. Серебрянский // Светочъ: альманах. 2007. № 2. С. 127–133.

Зонтиков Н.А. Церковь святых великомучеников Александра и Антонины в Селище в Костроме. Кострома: ДиАР, 2010. 368 с.

Зябликов А.В. Агиографические мотивы в советском кино 1930–1950-х гг. // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки, 2017. № 3. С. 40–48.

Зябликов А.В. Стихи и песни о Сталине как элемент новой теогонии // История в подробностях: иллюстрированный научно-популярный журнал. 2015. № 4. С. 70–75.

Зябликов А.В. Церковь Николая Мирликийского в костромском Заволжье // Костромской гуманитарный вестник. 2015. № 2 (9). С. 44–48.

Лучшев Е.М. Антирелигиозная пропаганда в СССР: 1917–1941 гг. СПб.: Информационно-техническое агентство «Ритм», 2016. 364 с.

Майорова Н.С. Государственно-церковные отношения в 1917–1929 гг. (на материалах Верхнего Поволжья). Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2006. 292 с.

Розанов В.В. Литературные изгнанники / под общ. ред. А.Н. Николыкина. М.: Республика; СПб.: Росток, 2010. Кн. 2. 960 с.

References

Zontikov N.A. *Один из последних: Н.И. Серебрянский* [One of the last: N.I. Serebryansky]. *Svetoch*: al'manah, 2007, № 2, pp. 127–133.

Zontikov N.A. *Cerkov' svyatykh velikomuchenikov Aleksandra i Antoniny v Selishche v Kostrome* [Church of the Holy Great Martyrs Alexander and Antonina in Selishche in Kostroma]. Kostroma, DiARPubl., 2010, 368 p.

Zyablikov A.V. *Agiograficheskie motivy v sovetskom kino 1930–1950-h gg.* [Hagiographic motives in the Soviet cinema of the 1930-1950s.]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser. Gumanitarnye i social'nye nauki* [Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Ser.: Humanities and Social Sciences], 2017, № 3, pp. 40–48.

Zyablikov A.V. *Stihi i pesni o Staline kak element novej teogonii* [Poems and songs about Stalin as an element of the new theogony]. *Istoriya v podrobnostyah* [History in detail], 2015, № 4, pp. 70–75.

Zyablikov A.V. *Cerkov' Nikolaya Mirlikijskogo v kostromskom Zavolzh'e* [Church of Nikolai Mirlikisky in Kostroma Zavolzhje region]. *Kostromskoj humanitarnyj vestnik* [Kostroma humanitarian bulletin], 2015, № 2(9), pp. 44–48.

Luchshev E.M. *Antireligioznaya propaganda v SSSR: 1917–1941 gg.* [Anti-religious propaganda in the USSR: 1917-1941 Anti-religious propaganda in the USSR: 1917-1941]. SPb., Informacionno-tekhnicheskoe agentstvo «Ritm» Publ., 2016, 364 s.

Majorova N.S. *Gosudarstvenno-cerkovnye otnosheniya v 1917–1929 gg.* (na materialah Verhnego Povolzh'ya) [State-church relations in 1917-1929 (based on the Upper Volga region materials)]. Kostroma, KGU im. N.A. Nekrasova Publ., 2006, 292 s.

Rozanov V.V. *Literaturnye izgnanniki. Kniga vtoraya* [Literary exiles. Book two], pod obshch. red. A.N. Nikol'yukina. M., Respublika Publ.; SPb., Rostok Publ., 2010, 960 s.

Статья поступила в редакцию 14.01.2021; одобрена после рецензирования 04.02.2021; принята к публикации 21.02.2021.

The article was submitted 14.01.2021; approved after reviewing 04.02.2021; accepted for publication 21.02.2021.